

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ И ТЕРРОРА В ИСТОРИИ РУССКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

АРКАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ БОРОЗДИН,
профессор кафедры социологии и политологии
Московского университета МВД России,
кандидат философских наук, доцент
E-mail: v.belskiy@bk.ru

Аннотация. Анализируются проблемы политического насилия и террора во взглядах политических мыслителей и деятелей России в XI – начале XX вв.

Ключевые слова: социально-политическая мысль в России, идеологическая традиция, политическое насилие, политический террор, цель и средства политической деятельности.

Annotation. The article is devoted to the analysis of the problem of political violence and terror in the opinions of Russian political thinkers and doers in the XI – XXth. century.

Keywords: social and political thought in Russia, the ideological tradition, political violence, political terror, the purpose and means of political activity.

Проблема политического террора, несмотря на кажущуюся простоту и очевидность, все-таки достаточно неоднозначна в своих трактовках и проявлениях. Особое значение приобретает вопрос о том, имеет ли проблема политического террора какие-либо национально-государственные аспекты и специфику. Учитывая особенности как нашей национальной психологии, так и отечественной историографии, а также идеологических дискуссий как внутри страны, так и с зарубежными исследователями и политическими деятелями, эта проблема, безусловно, является актуальной и поныне. Многие зарубежные, да и некоторые отечественные «доброжелатели» России, часто изображали ее как дикое, варварское государство, которого только в результате реформ Петра I хотя бы частично коснулись лучи мировой (а именно – западноевропейской) цивилизации. По их мнению на протяжении всей истории это было азиатски-деспотическое, жестокое государство, подавлявшее мазохистски-рабское население. И общим местом, в качестве наглядной иллюстрации подобных заявлений, как правило выступает в изрядной степени мифологизированный образ Ивана Грозного. Для зарубежных авторов (кроме, конечно, идеологического пристрастия или заказа) камнем преткновения являются вероятно трудности перевода. Имя «Грозный» интерпретируется в переводах как «ужасный» – «Ivan the terrible». А раз – «ужасный», а ужас может внушить только террор, то и царство его может быть ничем иным как царством террора. Но эти версии, как отмечал еще более ста лет назад историк К. Валишевский, по меньшей мере не точны: «Никогда Москвичи не называли так Ивана 4-го в его время. Для них он был “Грозный”», и в доказательство этого призывает хотя

бы обратиться «к “Домострою” – знаменитому домашнему уставу москвичей того времени, к главе, где говорится об обязанностях отца семьи: от него требуется быть “Грозным”, т.е. внушающим уважение и уважаемым». «Гроза» – это уважение, которое должен внушать как глава семьи, так и глава государства. «Никогда “гроза” не имела другого смысла». Тем не менее, в исторической критике «эпитет “Грозный” стал синонимом жестокости без смысла и без оправдания, чисто варварского происхождения, доведенной до крайностей в своих проявлениях, и для того, кто знает могущество слов, последствия не оставляют сомнений: слово наложило ложное понятие на вещи» [1].

В отношении же идеологических пристрастий и политического заказа необходимо подчеркнуть, что «нельзя принимать без критической оценки те свидетельства, в которых изображаются ужасы опричнины. Эти свидетельства большею частью исходят или от заинтересованных лиц, как Курбский, или от предубежденных недоброжелателей, какими являются многие иностранцы». Это свидетельство особенно ценно, так как исходит от иностранца К. Валишевского, подчеркивавшего, что предатель родины «Курбский напрасно старался представить Ивана гонителем угнетенной невинности. В народном же творчестве Иван и до ныне остается искоренителем крамолы на русской земле. Истребляя бояр, он казался защитником убогих и немощных», таким образом, «на стороне Грозного был сам русский народ» [2].

Что же касается проблемы «грозы», то одно из первых употреблений этого термина относится еще к середине XI в. В своей «Молитве» митрополит киевский Иларион просил Бога: «Так прости милость

Свою на людей своих, ратных прогоняя, мир утверди, страны соседние укроти, глад обрати изобилием. Владык наших сделай грозой соседям...» [3].

Через пятьсот лет понятие «грозы» встречается в челобитных, поданных московскому государю уже светским политическим мыслителем – И. Пересветовым. Предлагая царю провести в стране ряд радикальных реформ, в качестве одного из необходимых средств их реализации, он указывал на необходимость «грозы», которая означала систему жестких мероприятий, проводимых царем. «Не мощно царю без грозы царства держати» и «без таковыя грозы правды в царство не мощно ввести». «Гроза» – это необходимый способ восстановления «правды», попранной боярами. Если царь кроток и смирен, то царство его скудеет, и наоборот: если он грозен и мудр, то царство его расширяется, и слава о нем растет по всем землям. Править по правде – значит править в соответствии с определенными нормами, прежде всего – моральными, а для Руси того времени это, естественно, сопрягалось с моральными, нравственными нормами Нового Завета, Православия. Данный экскурс в историю русской политической мысли со всей очевидностью показывает, что понятие «грозы», «грозного правителя» совершенно не тождественно по смыслу с ужасами «кроважидного» террора, не связанного ни с какими нравственными нормами и ценностями.

К сожалению, в исторической науке, как и в политике, всегда были, есть и, наверное, долго еще будут иметь место двойные стандарты в оценке тех или иных событий. Так, если Ивана IV народ называл «Грозным», то Петра I официальная историография именует «Великим». Но еще в начале XIX в. придворный историограф Н.М. Карамзин (кстати, именно его многие исследователи считают зачинателем односторонне негативной оценки личности Ивана IV в официальной историографии) писал: «Славя славное в сем монархе, оставим ли без замечания вредную сторону его блестящего царствования». Среди же многих личных пороков и политических ошибок в деятельности Петра, Карамзин особо выделил проблему жестокого насилия, по сути – террора: «... Петр, любя в воображении некоторую свободу ума человеческого, долженствовал прибегнуть ко всем ужасам самовластия для обуздания своих, впрочем, столь верных подданных. Тайная канцелярия день и ночь работала в Преображенском: пытки и казни служили средством нашего славного преобразования государственного. Многие гибли за одну честь русских кафтанов и бороды: ибо не хотели оставить их и дерзали порицать монарха» [4]. Таким образом, признавая объективную необходимость насилия в политике, Карамзин в то же время критиковал излишнюю степень ее применения (и в отношении Петра I, и, особенно, Ивана IV). Но ответа на вопрос о том, как сформулировать критерии этой излишней степени он не дал.

Что же касается последующих идеологов государственно-охранительного направления, то практически все они, настаивая на сохранении сильной, самодержавной государственной власти, к проблеме насилия относились достаточно осторожно, неразрывно связывая его с правовыми основами. А уж проповедью террора они тем более не занимались. Например, М.Н. Катков писал, что «только по недоразумению думают, что монархия и самодержавие исключают «народную свободу», на самом же деле она обеспечивает ее более, чем всякий шаблонный конституционализм», а «что прямо или косвенно нарушает свободу, то противно и государственному началу, что может принять характер насилия, то должно быть на зоркой примете, и правительство обязано предотвратить или пресекать всякое вынуждение, не на законном праве основанное» [5]. Таким образом видно, что охранители, отстаивая в своих работах ценность сильной самодержавной власти, однако, не акцентировали внимание на проблеме собственно политического насилия, его формах, средствах и границах применения. Это касается и такой фигуры в среде охранительства, как К.П. Победоносцев. Он очень осторожно относился к собственно теоретическим изысканиям в исследовании проблем террора: «кому, когда удавалось, не впадая в ложь или аффектацию, установить теорию политического убийства?» [6]. Последняя фраза говорит о его достаточно неопределенном отношении к этой проблеме.

В отличие от откровенных охранителей, славянофилы, будучи сторонниками исконно русской самодержавной (но не абсолютной) монархии, отдавали приоритет православию и народности. Политическая власть имела для них подчиненное значение по отношению к православию и народности. Они полагали, что русский народ – не политический народ, ему чужды интересы борьбы за власть, как русскому человеку чуждо стремление к господству. Главное для него – свобода не политическая, а духовная. Отсюда – принцип взаимного невмешательства в дела друг друга: «внешняя правда – Государству, внутренняя правда – Земле; неограниченная власть – Царю, полная свобода мнений и слова – народу». Понятно, что позитивного отношения к жесткому политическому насилию, а тем более, к террору у них не могло быть в принципе. Более противоречивое отношение к этой проблеме можно обнаружить у идеологов почвенничества, в частности у Ф.М. Достоевского. Прежде всего это проявилось в его отношении к петровским реформам. Признавая, как и славянофилы, насильственный характер этих реформ, он находил и позитивные моменты в их последствиях. Здесь, естественно, возникает проблема соотношения цели и средств ее достижения. Но Ф.М. Достоевский вошел в историю русской и мировой мысли как горячий поборник приоритета нравственных критериев в оценке поли-

тической деятельности, что нашло свое воплощение в его знаменитой формуле: «высшая гармония не стоит слезинки хотя бы одного только замученного ребенка». Обличение безнравственности в политике стало лейтмотивом и его романа «Бесы».

Анализ проблем политического насилия и террора в идеологиях правого толка в конце XIX в. был бы не полным без обращения к такой сложной и противоречивой фигуре, как К.Н. Леонтьев. В его работах проблема открытого политического насилия ставилась гораздо более четко и в целом решалась в положительном ключе. Прежде всего, он констатирует объективную данность политических репрессий, сопутствующих всем коренным общественным катаклизмам: «На розовой воде и сахаре не готовятся такие коренные перевороты: они предлагаются человечеству всегда путем железа, огня, крови и рыданий!». Леонтьев особо подчеркивает, что законы, принципы власти должны быть строже. Нации, государству нужен вождь, «а вождей создает не парламентаризм..., а некоторая свобода самоуправства. Надо уметь властвовать беззастенчиво!». В несчастях государства «не власть виновата, виновата непокорность!» [7]. Именно поэтому современники иногда его оценивали в качестве «проповедника “сладо-страстного культа палки”» (слова И.С. Аксакова) [8].

Таким образом, видно, что среди правых в XIX в. подходы к проблеме политического насилия и террора варьировались от определенной минимизации и даже негативной оценки этих факторов (например, у славянофилов, Ф.М. Достоевского), и далее через апологию самодержавной власти, но без террора (Н.М. Карамзин, М.Н. Катков), до «культа палки» у К.Н. Леонтьева.

Не менее чем правый (консервативно-охранительный) и славянофильско-почвеннический сектор в идеологической жизни России XIX в., в плане исследуемой проблемы, интересен и левый фланг. Именно его представители видели будущее России как результат коренных, по большей части – революционных преобразований. А революции самым непосредственным образом связаны с решением проблемы политического насилия и, в том числе, террора.

Среди таковых, прежде всего, обращает на себя внимание деятельность и политические установки декабристов. Наиболее ярко исследуемая проблематика получила отражение в работах лидера более радикального направления – П.И. Пестеля. Не вдаваясь в рассмотрение идеала будущего общества, необходимо остановиться на проблеме средств и путей его достижения. А путь предлагался один – военный переворот с немедленным физическим уничтожением членов царской семьи и установление временной революционной диктатуры в лице Временного Верховного правления на 10–15 лет. При этом, опасаясь беспорядков, Пестель вменял в обязанность Верховному Временному правлению

«беспощадную строгость употребить против всяких нарушителей общего спокойствия». Таким образом, извечную проблему соотношения благой цели и средств ее достижения многие декабристы решали вполне в макиавеллистском духе, оправдывая и крайние формы насилия, вплоть до террора.

Если брать левый спектр идейно-политических течений XIX в., то революционный демократизм в лице декабристов в дальнейшем стал постепенно окрашиваться в социалистические тона. И здесь проблема политического насилия, террора приобрела принципиальный характер, зачастую носивший апологетическую окраску. Уже В.Г. Белинский фактически воспекает террор: «тысячелетнее царство божие утвердится на земле не сладенькими и восторженными фразами идеальной и прекраснодушской Жиронды, а террористами – обоюдоострым мечом слова и дела, Робеспьеров и Сен-Жюстов» [9]. И более того: «Я понял французскую революцию, – писал он, – понял и кровавую ненависть ко всему, что хотело отделиться от братства с человечеством... Я начинаю любить человечество по-маратовски: чтобы сделать счастливою малейшую часть его, я, кажется, огнем и мечом истребил бы остальную» [10].

В отличие от В.Г. Белинского, революционизм А.И. Герцена не был столь уж последовательным и к насилию он относился очень осторожно, а временами и весьма критически, вплоть до негодования, о чем свидетельствует хотя бы его эмоционально-негативная оценка политических репрессий в отношении участников парижского июньского восстания 1848 г. Он считал, что для социалистических преобразований революции необязательны, можно обойтись мирными преобразованиями, реформами, без особого насилия: «Мы уверены, что нет никакой роковой необходимости, чтоб каждый шаг вперед для народа был отмечен горами трупов» [11].

Революционный настрой В.Г. Белинского, его лояльное отношение к политическому насилию, вплоть до террора были восприняты и продолжены в творчестве революционных демократов 60-х гг. и идеологов революционного народничества 70-х гг. Если либералы, как тот же Б.Н. Чичерин, полагали, что революции не являются объективной исторической закономерностью, их можно избежать проводя реформы; что они бывают неизбежны только в крайнем случае, когда власть сопротивляется реформам, то революционные демократы стояли на последовательно революционных позициях. В письме «Русского человека» в 1870 г. Чернышевский писал Герцену: «Вы все сделали, что могли, чтобы содействовать мирному решению дела, перемените же тон, и пусть ваш “Колокол” благовестит не к молебну, а звонит в набат! К топору зовите Русь...» [12]. Что означает на Руси призыв к топору, вероятно, комментариев не требует, фактически это призыв к массовому террору, но не сверху, со стороны власти, а снизу – против верхов и власти.

Не менее определенно и последовательно установка на насилие, фактически тот же призыв России к топору, проявилась в творчестве М.А. Бакунина. Он провозгласил, что «страсть к разрушению есть вместе и творческая страсть». Поэтому народ надо поднимать на бунт. Объявляя Разина и Пугачева первыми русскими революционерами – бунтовщиками, он добавляет к этому и такой компонент, как разбой. Связывая именно с Россией начало будущего освобождение человечества, он писал: «... в Москве из моря крови и пламени высоко и прекрасно взойдет созвездие революции и станет путеводною звездою для блага всего освобожденного человечества» [13]. «Кровь» и «пламя», призывы к бунту и разбою вполне могут трактоваться как проявления массового политического насилия и террора.

Одним из преемников революционного народничества в конце 1870-х – начале 1880-х гг. была организация «Народная воля», которая сделала ставку на индивидуальный террор против высших государственных деятелей и, прежде всего, царя. Заметных идеологов в этой организации не было, и она занималась не теоретической, а революционно-практической деятельностью.

Начало XX в. ознаменовалось мощным всплеском политической активности в России, возникновением политических организаций самого различного идеологического направления. Кульминацией, естественно, являлись три революции с 1905 по 1917 гг. В этих условиях проблемы политического насилия, политического террора приобрели весьма актуальное значение.

В либеральной и левой революционной публицистике досоветского этапа и в советской научной литературе проблема террора традиционно ассоциировалась с деятельностью правых партий. Но за последнюю четверть века появились исследования, представившие эту проблему в несколько ином ракурсе. В частности, указывается, что: «Официально Союз русского народа и другие черносотенные партии всегда заявляли, что они против насилия», хотя тут же отмечается, что «некоторые лидеры черносотенцев в узком кругу откровенно говорили, что против террористов надо действовать их же методами». Но главное в том, что террор в той или иной степени практиковали не столько правые, сколько все левые партии, а либеральные партии, на словах осуждая террор, «на деле занимали скорее сочувственную позицию. Точно так же сочувствовала террору значительная часть российского общества...». Наконец, принципиальное значение имеет объективная фактология, конкретные цифры, а именно то, что «... Черносотенцы совершили два убийства и одно покушение на убийство...» [14].

Приоритет же в политических убийствах до 1917 г. все-таки принадлежит левым партиям и, прежде всего, эсерам. Историками установлено, что

только эсеры в 1905–1917 гг. совершили 233 покушения. Террор был одним из ведущих направлений деятельности партии, полагавшей себя преемницей в этом отношении «Народной воли». Один из руководителей боевой организации эсеров Б.В. Савинков в «Воспоминаниях» писал, что террору придавал решающее значение. По его словам, «Азеф был практическим руководителем террора, Гоц – идейным». А проект устава боевой организации, составленный при Гершуни, гласил: «Цель боевой организации заключается в борьбе с существующим строем посредством устранения тех представителей его, которые будут признаны наиболее преступными и опасными врагами свободы. Устраняя их, боевая организация совершает не только акт самозащиты, но и действует наступательно, внося страх и дезорганизацию в правящие сферы...» [15].

Среди прочих левых течений и организаций проблема террора особенно активно дискутировалась в среде анархистов. Террор, как одно из самых действенных средств борьбы, признавался многими русскими анархистами в начале XX в., но, конечно, не всеми. Вполне естественно, что представители «христианских анархистов» (А.Тюханов), а также «мирных» анархистов (Л.Н.Толстой и др.) по сути своей не могли исповедовать террор. Но тот же Толстой временами делал определенные моральные поправки анархо-террористам. Не был единым подход к проблеме террора в среде наиболее многочисленного и влиятельного течения в анархизме: анархо-коммунистов. Так, Г. Гогелия в статье «О терроре» утверждал: «Из всех форм террористической борьбы децентрализованный и разлитой террор мы считаем наиболее выгодным и целесообразным» [16].

На подобных же позициях стояла и группа «безмотивников», или «чернознаменцев» во главе с И. Гроссманом, который предлагал организовать индивидуальный и массовый произвольный («безмотивный») антибуржуазный террор.

Но среди анархо-коммунистов апология террора не была общим увлечением. В частности, основоположник и ведущий идеолог анархо-коммунизма П.А. Кропоткин весьма негативно относился к подобным декларациям. Он писал, что террор возводить в систему глупо. Террор как система был для него неприемлем не только потому, что он бессмыслен, но и губителен для перспектив революции: «Избиение буржуа ради триумфа революции – это безумие. Одно их количество уже не допускает этого... Что касается организованного и законного террора, то он в действительности служит лишь для того, чтобы ковать цепи для народа, ... он подготавливает диктатуру» [17]. Таким образом, видно, что в среде анархистов отношение к террору было неоднозначным – от откровенной апологетики, до весьма настороженного и даже негативного отношения к нему.

Из перечня всех левых партий начала XX в. наиболее активно и эмоционально в последние десятилетия проблема насилия и террора обсуждается в отношении российских социал-демократов и, прежде всего, большевиков. С принципиальной точки зрения идеологи большевизма от террора как средства политической борьбы никогда не отказывались, подчеркивая, что он является объективным компонентом политической деятельности в эпоху революционных преобразований, когда происходит крайнее обострение классовой борьбы. Но у того же В.И. Ленина подход к актуализации террора носил все-таки ситуационный характер. Так, в 1902 г. он критиковал группу «Свобода», которая «внося в *программу* террор, тем самым завет к организации террористов, а такая организация действительно отвлекла бы...» революционеров от сближения с народом. А в отношении эсеров заявлял, «что *на деле* террор социалистов-революционеров является не чем иным, как *единоборством*, всецело осужденным опытом истории» [18].

Но уже в новых условиях, в условиях революции и гражданской войны, а главное, когда большевики стали уже властвующей партией, в 1918 г. Ленин пишет: «... революционер, который не хочет лицемерить, не может отказаться от смертной казни. Не было ни одной революции и эпохи гражданской войны, в которых не было бы расстрелов» [19]. В этом, к сожалению, Ленин был прав, и история подтверждает это. Подчеркивая конкретно ситуационный подход к проблеме применения террора, Ленин заявлял в 1919 г.: «После революции 25 октября (7 ноября) 1917 г. мы не закрыли даже буржуазных газет, и о терроре не было и речи... Лишь после того, как эксплуататоры, т.е. капиталисты, стали разворачивать свое сопротивление, мы начали систематически подавлять его, вплоть до террора» [20]. Ленин всячески подчеркивает вынужденный, ответный характер «красного» террора.

Пока рассуждения Ленина о терроре носят общетеоретический или исторический характер, до тех пор они имеют под собой достаточно весомые основания. Но большинство упреков большевикам относятся к сфере практического применения террора, его масштабности и усиленному стимулированию. Масштабность, беспощадность террора всегда вызывали и будут вызывать соответствующие вопросы и критическое отношение. А Ленин неоднократно заявлял, что «надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров...» [21].

Причем, круг подвергаемых террору предельно расширяется: «Необходимо провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города» [22]. В отстаивании необ-

ходимости террора в революции Ленин был далеко не одинок. На этом же настаивали и иные вожди партии – Н.И. Бухарин, Л.Д. Троцкий и др. В среде идеологов большевистской партии если и были расхождения в плане трактовки нюансов террора, то по вопросу допустимости, а в случае необходимости и неизбежности организованного массового террора, никаких разногласий не было.

Таким образом, проблема насилия, политического террора на протяжении тысячи лет практически постоянно находилась в поле зрения идеологов почти всех политических течений в России. Трактовки варьировались от специфически русской «Грозы», с неременным увязыванием насилия с моральной ответственностью (если не перед подданными, то уж обязательно перед Богом), до прагматичной интерпретации в духе объективной необходимости, общемировой практики и известного тезиса – «цель оправдывает средства». Но необходимо подчеркнуть, что идеологическая апология террора не являлась ведущей тенденцией на протяжении всей истории России. Определенное ее усиление произошло, пожалуй, лишь в последние два столетия, прежде всего в среде революционно настроенной части общества.

1. Валишевский К. Иван Грозный. М., 1989. С. 5–6.
2. Там же. С. 270, 259–260.
3. Иларион. Слово о Законе и Благодати. М., 1994. С. 106.
4. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 32, 35.
5. Катков М.Н. Имперское слово. М., 2002. С. 384, 389–390.
6. Цит. по: Пешков А.И. «Кто разорвет – мал в царствии Христовом...» // Победоносцев К.П. Сочинения. СПб., 1996. С. 22.
7. Леонтьев К.Н. Избранное. М., 1993. С. 111, 97.
8. Цит. по: Константин Леонтьев. 1891–1991. М., 1991. С. 54.
9. Цит. по: История русского утопического социализма XIX века. М., 1985. С. 24.
10. Цит. по: Иоанн, митрополит С.-Петербургский и Ладужский. Самодержавие духа. СПб., 1994. С. 236.
11. Цит. по: Замалеев А.Ф. Курс истории русской философии. М., 1995. С. 91.
12. Цит. по: Башилов Б.П. Русская мощь. Пламя в снегах. М., 2008. С. 332.
13. Бакунин М.А. Собрание сочинений и писем, т. 1–4. М., 1934–1935. Т. 3. С. 360.
14. Степанов С.А. Черная сотня. Что они сделали для величия России? М., 2013. С. 252, 267.
15. Савинков Б.В. Воспоминания террориста. М., 2013. С. 22, 68, 69.
16. Цит. по: Канев С.Н. Революция и анархизм. М., 1987. С. 224.
17. Кропоткин П. Анархическая работа во время революции. Пг.-М., 1919. С. 5.
18. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 175, 375.
19. Там же. Т. 36. С. 503.
20. Там же. Т. 39. С. 113–114.
21. Там же. Т. 50. С. 106.
22. Там же. Т. 50. С. 142–144.